

Небольшое предисловие к моему повествованию. Мысль о том, чтобы сохранить свои воспоминания о детстве, юности, о дорогих мне людях, о той безвозвратно ушедшей жизни, часто посещала меня. В монотонные будни моего морского бытия часто возвращался к этим далёким дням, проигрывал и восстанавливал в памяти мельчайшие события той жизни, которые бесконечно дороги моему сердцу.

В последнее время я размышлял о том, что вот уйдём мы из жизни: я, моя сестра, моя тётка Аня, – и не будет свидетелей нашего прошлого, никто не узнает, как мы жили тогда, чему радовались, какими мы были, какими были наши родители. Я почувствовал в себе какую-то внутреннюю потребность, чувство долга перед своими родителями, горячо любимой бабушкой и просто перед теми людьми, которые окружали нас тогда, жили с нами и которых уже давно нет в этом мире. Есть моя память и желание изложить всё это на бумаге, и поэтому я взял на себя этот труд – сохранить для кого-то эти воспоминания. Удалось ли мне это, нужно ли это кому-то – судить уже им.

Родился я в роддоме на улице Большая Кольцевая, так эта улица называлась в то время. Это уже позже её переименовали, назвали в честь известного пионера Павлика Морозова. Какое он имел хоть маломальское отношение к этой улице, при немцах носившей название Барбара Штрассе, трудно объяснить. Родители мои были очень молоды тогда: отцу был 21 год, а маме 24. Они работали на судостроительном заводе, который имел только номер: он так и назывался – 820-й, там строили военные корабли. Работали они в одном цехе, отец слесарем, а мать крановщицей. Познакомились они в общежитии завода на улице Суворова, где жили в то время. Как только я родился, в Калининград приехала моя бабушка, мамина мать. Продала свою хату с садом на Украине в Винницкой области и навсегда приехала сюда, чтобы помогать молодой семье и воспитывать меня.

Жили мы в старом немецком доме, хорошо сохранившемся после войны. О нашем доме и квартире стоит сказать особо. Дом наш был многоподъездный и очень длинный. Где-то примерно в середине своей длины он, повторяя очертания улицы, плавно изгибался. Дом был трёхэтажный, по две квартиры на этаже, то есть в одном подъезде жило шесть семей. Крыша была со скатами и была покрыта традиционной немецкой черепицей. Наверху был огромный чердак на всю длину дома, а внизу были довольно-таки вместительные подвалы. Через подвальное помещение был сквозной проход с улицы во двор. Квартиры в доме были очень маленькие, совершенно одинаковые, с весьма примитивными бытовыми условиями. Во двор смотрели две комнаты: одна побольше, где была спальня родителей и где находился до определённого возраста я, другая поменьше – в ней жила бабушка. Зато кухня была огромной, с большой печкой, расположенной в углу. Видимо, немцы готовили на ней еду, заодно и обогревали кухню. Комнаты отапливались печкой. Печка была красивая, облицована каким-то

гладким кафелем песочного цвета. Большая её часть находилась в комнате родителей, и небольшая часть выступала из стены в бабушкиной комнате. Сначала вход в бабушкину комнату был в спальню родителей. Потом этот вход заложили кирпичом и сделали другой – со стороны кухни.

Конечно, это было более удобно. Узкий коридорчик соединял комнату родителей с кухней. В конце коридорчика находился крохотный туалет с окошечком, где поместиться мог только один человек. На кухне был небольшой умывальник с холодной водой. Вот и все удобства. Самое первое впечатление, сохранившееся в моей памяти, – это была поездка к отцу в воинскую часть, где он проходил службу. Отца призвали в армию осенью 1952 года. Служил он сначала где-то под Мурманском. А уже позже его как человека семейного и молодого папашу перевели в Калининград, поближе к дому. И вот, в один из выходных мы всем семейством поехали его навестить. Воинская часть располагалась на улице Портовой, где потом открыли магазин радиотоваров «Мелодия». Территория воинской части была небольшой, кстати, к ней примыкало здание бывшей янтарной мануфактуры в довоенном Кёнигсберге. Был воскресный день, и все солдаты, свободные от службы, смотрели фильм. Я помню, как я, радостный, вбежал в солдатский клуб, где шёл фильм «Фанфан-Тюльпан» с Жераром Филипом (это я уже потом, конечно, узнал). Я нашёл своего отца, скорее всего, он меня увидел, так как мне, маленькому мальчишке, среди множества молодых людей в одинаковой форме трудно было признать своего отца. Это, пожалуй, моё первое яркое впечатление о детстве, сохранившееся в памяти. Отец был демобилизован в октябре 1955 года. Воспитывался я бабушкой. Бабушка Женя была необыкновенно добрым человеком, со щедрой душой и очень трудолюбивой. Родители вставали рано и уходили на работу. Я общался с ними в основном по выходным. А с бабушкой я проводил основное время. Каждый день мы ходили с ней на базар на улицу Киевскую за продуктами. Бабушка Женя необыкновенно вкусно готовила. Как она мне рассказывала, у себя на родине, в колхозе, она работала на полевом стане поварихой. Готовила обеды для трактористов. На обратном пути с рынка я непременно подбегал к воротам воинской части, которая располагалась на нашем пути, приставал к кому-нибудь из военных и задавал множество всяких вопросов. Очень мне нравились военные люди тогда, чем-то притягивала меня их форма, оружие, которое они имели при себе. Мы возвращались домой, и бабушка готовила обед, а также ужин для родителей, которые уставшие возвращались вечером с работы. Какие это были обеды! Всё было аппетитно и вкусно, особенно наваристые украинские борщи со сметаной.

Жизнь моя, как и у всех детей, была радостная и беззаботная. Жили мы не очень богато, я бы даже сказал бедновато, но голодными никогда не были. Как у многих в те годы, у нас было подсобное хозяйство. За нашим двором был целый городок разномастных сараев, настоящий «Шанхай». Жильцы нашего дома держали там различную живность: кто свинью, кто козу, кто кур. У нас была свинья, и каждый день приходилось ходить в сарай, кормить это ненасытное животное, убирать за ней. Зато мы всегда были с мясом. Когда резали очередного поросёнка, в доме был настоящий пир. Чего только ни делала бабушка из нашего Борьки – и кровяную колбасу, и сальтисон, и домашнюю колбасу. Мясо жареное, вареное. О холодильниках тогда и не мечтали. Чтобы сохранить свиное мясо, бабушка готовила из него тушёнку и закатывала её в стеклянные банки.

А ещё у нас был огород, но до него нужно было идти минут сорок. Он находился в поле, уже за городской окраиной. В выходные дни выходили всем семейством и работали на этом огороде все сообща целый день.

Мне тоже находилась работа, в основном, нужно было полоть грядки. Мне это не очень-то нравилось, но деваться было некуда. Растили картошку, зелень, огурцы.

Время было трудное, изобилия не было, да и денег у нас лишних не водилось. Новый год у меня всегда ассоциировался с запахом апельсина и мандаринов, которые по великому благу приносила нам наша знакомая, работавшая на овощной базе. Когда я уже подрос, в мои обязанности входило ходить в подвал за углём и щепой и топить нашу печь. Дело это было мне вполне по душе. Это был целый ритуал. Я любил подносить спичку к аккуратно сложенной горке щепок и наблюдать, как они ярко вспыхивают в топке. Печка потихоньку оживала, через несколько минут уже весело гудела. Затем нужно было только вовремя накидать совком угля, пока не прогорели дрова. Комната постепенно наполнялась теплом, было радостно и уютно на душе в эти морозные зимние дни. Вообще мне очень нравился огонь. Из-за этой моей страсти со мной случались мелкие неприятности, за которые я сурово наказывался. Помню, как-то я играл со спичками у окна в комнате родителей. И вдруг нечаянно загорелась тюлевая занавеска, закрывающая окно. Она вспыхнула как порох, и я отчаянно пытался

затушить огонь. С огнём я кое-как справился, но от занавески остались лишь жалкие клочки. С обречённостью и страхом я ждал вечера, когда вернутся с работы родители. Это ожидание наказания было страшнее самого наказания. Происходило это следующим образом. Родители возвращались домой, уставшие, голодные. Бабушка торжественно докладывала о случившемся. Далее бабушка с мамой начинали подогревать ситуацию, говоря о том, какой я нехороший, какой я вредитель, что так можно спалить весь дом. Голодный отец медленно накалялся от этой словесной прелюдии, и в какой-то момент происходил взрыв. Он брал ремень, заваливал меня на пол и нещадно бил меня по заднему месту до тех пор, пока гнев его не угасал. Своими воплями я оглашал весь подъезд, уведомляя всех соседей об очередном своём проступке. После порки бабушка и мама жалели меня, растирали мои синяки какими-то мазями.

Однажды произошёл такой случай. Отец вернулся с работы, положил зарплату на стол и прилёг отдохнуть. Я увидел эти денежки, стал брать по одной бумажке и пытался приклеивать их на нашу замечательную кафельную печку. Видимо я хотел создать какую-то композицию из отцовских денег. У меня это плохо получалось, бумажки отлетали от гладкого кафеля. Я снова и снова пытался их приклеивать, слегка поплёвывая на эти купюры. Отец проснулся и увидел, чем я занимаюсь. Я получил сполна за это художество. Хорошо, что я не догадался бросать деньги в печку, глядя, как они весело сторают. Если бы это случилось, дом наполнился бы такими звуками, которые наши соседи ещё не слышали. Они бы подумали, что в этот раз я совершил что-то из ряда вон выходящее. Эти экзекуции с ремнём за мои детские грехи продолжались до тех пор, пока я при очередной порке проявил мужество и не проронил ни звука. С тех пор отец перестал хлестать меня ремнём, очевидно почувствовав, что я повзрослел.

Моя тяга к огню толкала меня на различные эксперименты, опасность которых я тогда вовсе не сознавал. Я мог бросить в печку несколько патронов, которых в то время у послевоенных мальчишек вполне хватало, и с интересом наблюдать, как они взрываются в топке, разметая там горящие угли, а также видеть испуганное бабушкино лицо, которая не могла понять, что происходит с печкой. Как уцелела наша печка, одному только Богу известно. Видимо, была сделана на совесть, с немецким качеством. В подвале у нас хранился уголь, а также калийная селитра как удобрение для огорода. Я где-то вычитал, что из этих компонентов можно сделать порох. Мои химические опыты в подвале подтвердили пригодность этих веществ для изготовления пороха, и с тех пор запасы селитры стали катастрофически уменьшаться, а угля в подвале было предостаточно. Как я не спалил наш дом – это тоже загадка. Никто из соседей и не подозревал, какой опасности подвергалось их имущество. Так что, по большому счёту, били меня не зря.

Хоть мы были уже послевоенные дети, война часто напоминала о себе. Игрушек у нас было мало, только довольно-таки состоятельные родители могли купить своему чаду, например, велосипед, вожделенную мечту каждого пацана. Мы бегали по сараям и подвалам с ржавыми немецкими автоматами и пистолетами, играли в войну, и это заменяло нам самые дорогие игрушки. В то время за городом или на окраинах у фортов можно было найти много различных боеприпасов, которые ещё не вывезли и не ликвидировали. Мы запускали пороховые ракеты, жгли термитные бочонки размером с грецкий орех, которые горели даже в воде, жгли в костре тротил, который пылал ярким пламенем, бросали в костёр гильзы от патронов. Но, слава богу, из нашего двора никто не пострадал от этих диких забав. Но почти каждое лето на нашей улице звучала траурная музыка: ещё один несчастный мальчишка погиб из-за глупого любопытства и этих опасных игрушек, таящих в себе и после войны смерть и разрушение. Помню, как подорвались братья Халецкие, – несчастные родители лишились одного сына, а второй навсегда остался калекой. Кто-то из ребят из нашей округи надыбал в старом форту склад пороховой материи. Хранилась она в алюминиевых бочонках, похожих на те, в которых раньше перевозили фильмы. Материя была очень красивая, ярко-розового цвета, очень похожая на шёлк. Появилась новая забава в нашей жизни. Материю эту просто жгли, сворачивали трубочкой, обёртывали её алюминиевой фольгой и запускали эти мини-ракеты. Даже делали папиросы-сюрпризы, где была половина табака, половина пороха.

Всё это продолжалось до тех пор, пока не случилось несчастье. Кто-то из парней на нашей улице додумался обмотаться этой материей, таким способом он хранил её – всегда под рукой и под одеждой не видно. Закурил папироску, и искра случайно попала за рубашку. Парень сильно обгорел. После

этого начались повальные рейды милиции с конфискацией всех запасов этой пороховой материи. Днём и ночью во дворе милиции Балтийского района полыхали костры, уничтожая с таким трудом добытые запасы материи.

В нашем дворе была игровая площадка с качелями и деревянной горкой со ступеньками. Так эта горка редко доживала до следующего сезона. В лучшем случае по весне проводился мелкий ремонт, и её обгоревшие бока покрывались свежей масляной краской. В худшем случае – на обгоревших руинах возводилась новая горка.

Вся наша мальчишеская жизнь проходила во дворе. Кстати, тогда наш двор был более привлекательным и содержался в порядке – не то что в нынешние времена.

На наших экранах прошёл французский фильм «Три мушкетёра». На наших дворовых мальчишек фильм произвёл сильнейшее впечатление. Мы раздобыли где-то деревянные рейки и сделали из них мушкетёрские шпаги. В нашем дворе начались битвы мушкетёров с гвардейцами кардинала, с криками, синяками и царапинами. Все хотели быть мушкетёрами, но мы договаривались, что после очередной стычки будем меняться ролями. Кое-кто нашёл дома шляпы, похожие на мушкетёрские, и для большего сходства вставляли туда гусиные перья.

Летом мы ватагой ходили купаться на озеро. В основном на озеро Камское, как мы его называли. Озеро было большое, глубокое, с чистой, прозрачной водой. Оно располагалось на окраине Балтийского района, довольно-таки далеко от нашего дома. Полчаса нам нужно было шлёпать по шпалам по железной дороге, ведущей на Мамоново. Но это нас нисколько не смущало. За разговорами и шутками время пролетало незаметно. Не смущала нас также близость озера от местного кладбища, где тогда хоронили жителей нашего района. Помню даже одну забавную лаконичную надпись на одном из надгробий: «Покойник водочку любил». Какая же это жена могла придумать такую эпитафию своему благоверному. Видимо, уж очень он ей досадил при жизни. На этом озере я впервые самостоятельно начал плавать. Учителями были такие же мальчишки, чуть постарше меня.

Вода в озере была такая чистая, а зимы такие морозные, что из этого озера заготавливали лёд бензопилами, который до самого лета лежал огромной горой, покрытый опилками.

Недалеко от нашего дома, за сараями и картофельным полем, находился огромный фруктовый сад, большая часть которого принадлежала школе № 3. Туда мы регулярно совершали набеги, перелезая через забор с колючей проволокой, испытывая при этом восторг от опасности быть застигнутыми сторожем или хозяевами участка. Но как было радостно сидеть потом в укромном месте, грызть неспелые яблоки или кислый крыжовник и обсуждать подробности этой очередной вылазки.

Тёплыми летними вечерами до самой темноты мы играли во дворе в различные игры: гоняли мяч по площадке, играли в «штандер», в лапту или резались в «ножички». Играют ли теперь в эти игры, я даже и не знаю. Добровольно домой никто не возвращался, за играми не чувствовалось голода и усталости. Только грозный окрик родителей из окна заставлял нас с большой неохотой возвращаться домой.

Одним из доступных тогда развлечений было кино. Ходили мы в два места. Первое было поближе: по грунтовой дороге между садов мы за десять минут добирались до «железки» – так мы называли тогдашний клуб железнодорожников. Кстати, потом я узнал, что в этом здании в довоенном Кёнигсберге находилась церковь. Второе место было подальше – кинотеатр «Родина». Для полного счастья нужно было всего 20 копеек: 10 копеек на кино, 10 – на мороженое. Зимой были свои развлечения. Помню, мой отец протянул шланг из подвала и залил каток у нас во дворе. Мы гоняли по этому ледяному полю на своих «канадках» с утра до ночи.

Поскольку в доме был только умывальник с холодной водой, по выходным дням мы всем семейством ходили в баню. Это была уже годами сложившаяся традиция. К нашему семейству присоединялись друзья моих родителей – одна семейная пара, которая жила через подъезд в нашем доме. Это были Яков Палыч и тётя Муся, весьма интеллигентные люди. Яков Палыч был постарше тёти Муси, он был в довольно уже зрелом возрасте. Жили они вдвоём, детей не было, была у них только собачка Мирта. Вот этой компанией мы и ходили в баню. Женщины почему-то брали меня с собой в женское отделение: то ли я был ещё слишком мал, то ли они не доверяли мужчинам моё хрупкое мальчишечье тельце.

После одного из таких посещений бани, распаренные и довольные, мы по традиции зашли в соседний магазин на улице Беговой, чтобы купить лимонад и другие напитки. И вдруг я при полном сте-

чении народа под впечатлением от бани неожиданно выдал в адрес тёти Муси фразу, которая привела её в полное замешательство. Все онемели от неожиданности, тётя Муся стала вмиг ярко-пунцовой, и вся наша компания быстро ретировалась из магазина. Лидером была всё такая же пунцовая тётя Муся. Видимо, я в этот раз в бане заметил у тёти Муси нечто такое, чего раньше не замечал. После этого случая меня уже не брали в женское отделение, и я, как особь мужского пола, навсегда завоевал право ходить в мужское отделение бани.

Я рос весьма любознательным мальчишкой, с какой-то жилкой экспериментатора. О моих первых экспериментах поведала мне мама и бабушка уже потом, когда я стал взрослее. Лично сам я этого не помню. Первый эксперимент я проделал с отцом. У нас под печкой в нише хранился маленький 50-граммовый молоточек.

Я его случайно обнаружил, достал, подошёл к безмятежно спящему отцу и с размаху стукнул его по голове. Что двигало мною в тот момент, трудно предположить. То ли я хотел познать свойства молоточка, то ли мне было досадно, что отец спит в дневное время и не уделяет мне никакого внимания. Говорят, я получил сполна за эти свои первые попытки познания окружающего мира. Первый эксперимент не удовлетворил меня, и я его повторил в такой же ситуации, но только с бабушкой. Потом у меня пропал интерес к этому делу, а может, наказание возымело действие, но больше я таких посягательств на жизнь своих близких не предпринимал. У нас на кухне у окна стояла небольшая кушетка. Мне очень нравилось взбираться на неё и прыгать, прыгать до умопомрачения.

Как-то однажды бабушка приготовила мне моё любимое блюдо: жареную картошку с яйцом и колбасой. Было жарко, окно на улицу было открыто, и бабушка поставила тарелку с едой на подоконник, чтобы побыстрее остудить её. Я в восторге, прыгая на кушетке, нечаянно рукой задел за тарелку, и она полетела вниз. И вся эта вкуснятина грохнулась на асфальт перед самым носом опешившего прохожего. Было небольшое разбирательство, но всё закончилось благополучно, только бабушке пришлось повторить блюдо, дабы не оставить любимого внука голодным.

В те годы, мне кажется, люди были более общительными, более дружными. Конечно, мы знали всех своих соседей по подъезду, да практически всех, кто жил в нашем доме до поворота. Дальше уже был другой двор. Напротив нас жила еврейская семья по фамилии Дановы. У них был сын Сергей, на три года старше меня, парень спокойный, рассудительный. По праздникам тётя Тамара пекла очень вкусные пирожные и торты и всегда угощала нас. Таких нельзя было купить ни в одной кондитерской. Это были и изумительные корзиночки с какими-то необыкновенными цветами, сделанными из разноцветного крема, и «гату» – какая-то национальная выпечка, и торт «Наполеон». Я всегда с нетерпением ждал этих праздников, чтобы вкусить эти кулинарные творения искусных рук тёти Тамары.

Наверху, на третьем этаже, жила ещё одна еврейская пара, оба были парикмахеры. У них был сын Жаник, тоже старше меня на три года. В парикмахерскую меня почти никогда не водили, я пользовался услугами моих любезных соседей. Жили они побогаче нас, у Жаника был очень хороший велосипед. Напротив них жила семья Парамоновых. Это была простая рабочая семья. Помню, что глава семейства прилично выпивал.

На первом этаже, под нами, жил дядя Коля Столяров с женой. Дядя Коля был художник. Он работал оформителем в кинотеатре «Родина», писал афиши для кино и многое другое. Для себя же он писал различные картины, которые в огромных деревянных рамах висели у них в комнате. Дядя Коля всегда помогал мне делать праздничные газеты уже позже, когда я учился в школе. Газеты получались очень яркие, броские, особенно новогодние. С ними ещё жил дядин Колин отец, который очень дружил с Бахусом. Помню, как он поднимался к нам наверх и просил займы денег у бабушки на очередное возлияние. И когда бабушка отказывала ему, он страшно и скверно ругался, спускаясь вниз по лестнице.

Напротив них жил ещё один мой дворовый приятель – Вовка Ревякин. Он со старшей сестрой рос без отца. Тётя Катя, их мать, как и мои родители, работала на 820-м заводе в какой-то лаборатории. Она неплохо зарабатывала.

У Вовки всегда были дорогие игрушки, которые я видел только в магазине, а также спортивный велосипед с переключением передач.

Я, конечно, помню всех ребяташек нашего двора. Предводителем и нашим кумиром был Серёга Михайлов. Он был постарше нас, парень очень эрудированный и начитанный. Вечерами мы иногда собирались вокруг него кружком и, затаив дыхание, слушали его пересказы интересных историй,

необыкновенных приключений, которые он узнал из прочитанных книг. Мне почему-то запомнилась история про советского разведчика, работавшего на территории оккупированной Франции. Потом я сам прочёл эту книгу, называется она «Вдали от Родины».

Улица наша была очень зелёная. Между булыжной мостовой и пешеходной дорожкой, проходившей рядом с домом, была широкая липовая аллея. Липы были уже немолодые, ещё немецкие. Как они чудно пахли летом во время цветения! Где-то перед школой меня определили в детский сад, который находился на улице Коммунистической. Бабушка торжественно отвела меня в этот детский сад и спокойно пошла домой. Каково же было её изумление, когда через пару часов она увидела перед собой своего любимого внука. Видимо, что-то мне там не понравилось и я, не афишируя, по-английски покинул пределы детсада. Бабушка крепко взяла меня за руку и с суровым, непреклонным видом повела меня назад. Навстречу нам попала встревоженная, запыхавшаяся воспитательница. Я смирился со своей участью и больше уже не убегал из детсада.

Помню, как-то мы ковырялись у мусорного ящика, который стоял возле кирпичной стены, отделявшей садик от какого-то общежития, где жили военные. И вдруг увидели кобуру, лежавшую среди разного мусора. Открыв её, мы обнаружили в ней завёрнутый в промасленную газету настоящий револьвер. Как он попал в мусорный ящик – трудно сказать. С диким криком восторга я помчался с этим револьвером по садику. Но радость моя была недолгой, воспитательница тут же изъяла его у меня и передала милиционеру.

В 1958 году я пошёл в школу. Получилось так, что меня определили в школу № 39, которая ещё только строилась на улице Берёзовой, а учились мы в старом, ещё немецком здании школы № 3. Мы оказались в одном классе с Серёжкой Моториным, который жил в крайнем подъезде нашего дома. Учёба мне понравилась, я с удовольствием ходил в школу. Родители мои были людьми простыми, пролетарского происхождения, и моим образованием особо не занимались. Я рос как полевой цветок, в весьма неприхотливых условиях, но всегда ощущал бабушкину любовь и заботу.

Конечно, многое дала мне школа, но настоящими учителями и воспитателями для меня были книги. Как только я научился читать, для меня открылся неведомый мне ранее мир приключений, благородных рыцарей, путешественников и исследователей. Книги стали моими лучшими друзьями. Читал я запоем. Регулярно ходил в нашу старенькую районную библиотеку на улице Киевской. Каждый раз брал две-три книги в абонементе, а то, что не было там, читал в небольшом читальном зале.

Больше всего я тогда любил фантастику. Меня завораживали далёкие загадочные миры, космические корабли, какие-то внеземные цивилизации.

Помню, с каким восторгом я читал в читальном зале фантастическую повесть в двух книгах: «Каллисто» и «Каллистяне». Я читал так много, что родители начали меня ограничивать в этом. Но моя страсть к книгам была настолько велика, что я уже поздно вечером читал украдкой под одеялом с фонариком. Наверно, книги и сформировали мой характер, развили меня как личность, сформировали мою душу.

Наконец, достроили нашу школу, и в 1962 году мы впервые вошли в это новое светлое здание, где ещё не выветрился запах краски.

Так и ходили мы туда с Серёжкой Моториным все эти годы учёбы. Полтора километра туда и полтора обратно.

В соседнем подъезде жила семья Фузеевых, они поселились в нашем доме позже, и мы очень подружились с ними. Отец у них был военный, морской офицер. Тётя Тоня была очень весёлой и жизнерадостной женщиной. Она всегда задорно и заразительно смеялась, очень любила пошутить. У них рос сын Вовка, наверное, на год меня младше, и его сестра Ирина. Они имели телевизор, большую в то время редкость, и мы часто ходили к ним в гости смотреть фигурное катание. Почему-то тогда все любили смотреть фигурное катание, не пропускали ни одного чемпионата, а тем более Олимпийские игры. Как мне сейчас помнится, что главное в этом был вовсе не телевизор, а простое человеческое общение.

Ну а теперь я хотел бы рассказать об одной поездке, которая осталась в моей памяти самым ярким, незабываемым событием моего детства. Родственники тёти Тони и её мужа жили в Тамбовской области, настоящей русской глубинке. И вот как-то на каникулах после окончания 5-го класса тётя Тоня предложила моим родителям взять меня с собой в поездку в эти далёкие края, чтобы мы с Вовкой

провели лето в деревне. И вот мы втроём отправились в дальний путь на поезде сначала в Москву, потом пересели на другой поезд, который доставил нас до места, до станции Мучкап. На станции нас встретил какой-то родственник тёти Тони, и мы с узлами и сумками на телеге поехали в деревню Чащино. Началась наша деревенская жизнь.

Деревня Чащино располагалась на холме, прорезанном оврагами, которые назывались здесь «буераками». Пологий спуск вёл к подножию холма, где протекала речка Ворона. Через реку был перекинут мост, довольно основательный, по нему ходили даже грузовики. Конечно, мы быстро познакомились со всеми местными мальчишками и принимали участие во всех их летних делах.

Большую часть времени мы проводили у реки, купались до изнеможения, соорудили небольшой трамплин, с которого с разбега прыгали в воду. Ходили в лес, который был расположен на другом берегу реки. В этом лесу был небольшой пруд, где мы очень оригинальным способом ловили рыбу. Мальчишки выстраивались в шеренгу и начинали перемещаться по пруду до тех пор, пока вода не становилась совсем мутной. Тут и начиналась рыбалка. Ловили майками, голыми руками ошалевших карасей, которые от мути ничего уже не могли видеть в воде. Деревенские мальчишки били палками гадюк, совсем не боялись их, и эти боевые трофеи сохли на откосе под палящими лучами солнца у чащинского моста.

Тётя Тоня оставила нас с Вовкой на попечение бабушки и сестры мужа, а сама поехала домой, чтобы забрать нас потом. Жили мы с Вовкой в доме его бабушки, матери его отца. Там же жила Вовкина тётя, учительница, женщина строгая, неприветливая. Зато бабушка была очень добрая.

Навсегда у меня остались в памяти деревенские запахи. Запах керосина, запах горящих в печи кизяков. Кизяки – это самодельное топливо для печей, которое деревенские жители изготавливали испокон веков по специальной технологии. Смешивали коровий помёт с соломой, закладывали его в специальные формы и высушивали на солнце. Получались такие кирпичики, которые потом весело горели в деревенской печи. Когда мы просыпались, печь уже была растоплена бабушкой, и аппетитный аромат свежееиспечённых блинчиков и запечённых яиц звал нас к утреннему столу. Плотно позавтракав, мы убегали на весь день из дома, чтобы искать себе новые приключения. Сначала мне было непривычно и довольно-таки неприятно ступать босыми ногами по колючей траве и лазать по буеракам.

Но через неделю кожа на моих ногах так задубела, что я уже ничего не чувствовал и бегал босиком, как и все деревенские мальчишки.

Дома было много интересных книг. Иногда, когда на улице стояла нестерпимая жара, я располагался на прохладном полу в комнате и с упоением читал эти книги. Из прочитанного мне запомнились две книги: «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле и «Легенда о Тиле Уленшпигеле» Шарля де Костера. У многих деревенских ребят были велосипеды с моторчиками, они давали нам с Вовкой покататься на них. Какое это было радостное чувство – мчаться по деревенской улице под стрекот мотора, повернув до упора рукоятку газа, и распугивать всю деревенскую живность. Только собаки с яростным лаем мчались вдогонку за нами.

С бабушкой мы очень сдружились, особенно когда Вовка уехал в деревню Андриановку к своим другим бабушке с дедушкой, к родителям тёти Тони. Вовкина бабушка часто говорила мне: «Вот уедешь ты к себе домой и забудешь меня, когда умру, и на могилку не придёшь». Я с детской непосредственностью заверял её, что это не так, что я ещё приеду к ней и никогда не забуду. Забыть-то не забыл, а вот приехать уже не пришлось. Лежит она где-то на деревенском кладбище в Чащино далеко-далеко от тех мест, где мой дом, но где-то в глубине души моей теплится надежда, что когда-нибудь я всё-таки приеду туда, пройду по тропинкам моего детства, посмотрю с высокого холма на речку Ворону, схожу на деревенское кладбище.

А уехал Вовка в Андриановку, когда мы с ним рассорились. Рассорились мы из-за пустяка, из-за земляники, которую собирали в поле. Кто-то из нас сорвал не предназначенную для него ягоду. Поругались мы насмерть и не виделись до тех пор, пока не вернулась тётя Тоня с Ирой. Тётя Тоня приехала в Чащино, узнала, что Вовка в Андриановке, а я живу тут без него. Мы срочно засобирались в Андриановку. Помню, как мы ехали на телеге по бескрайним полям Тамбовщины, останавливаясь на отдых в каких-то деревушках. В памяти осталась какая-то изба с образами в углу и горящей лампадкой. Мне, мальчишке, родившемуся в послевоенной Пруссии, было непривычно видеть эти деревенские избы с иконами, православные церкви с золочёными куполами.

В деревне Андриановка было не менее интересно, чем в Чащино. Дом наш стоял на высоком берегу той же самой реки Вороны. В Андриановке не было даже электричества. Ночевали мы в огромном амбаре, стелили нам на свежем, ароматно пахнущем сене.

Горела керосинка, и в полумраке нашего временного пристанища звучали разные страшные истории. Глаза потихоньку закрывались, и мы, утомлённые дневными приключениями, погрузились в глубокий сон.

Ещё мне запомнилось, как мы воровали арбузы с колхозной бахчи. Арбузы были необычные, размером с небольшой детский мячик, но очень сладкие и сочные. Мы набрали этих арбузов, у каждого уже была полная пазуха, как вдруг неожиданно появился сторож. Наша стайка дала стрекача, но сторож попался достаточно резвый, и дистанция между нами стала сокращаться. Нам очень мешали арбузы, но бросать свою добычу было жалко. И вдруг кто-то догадался кинуть арбузы в рядом протекавшую Ворону. Освободившись от груза, мы увеличили скорость и вскоре оторвались от сторожа. Пробежав ещё какое-то расстояние вдоль реки, мы остановились, поджидая наши арбузы, которые в целостности и сохранности неспешно плыли по течению Вороны.

Последнее, что мне запомнилось в этой поездке, – это ожидание поезда на станции Мучкап, когда мы возвращались домой. Было уже темно, горели фонари, поезд был ночной. На скамейке сидела парочка – какой-то матросик прощался с девушкой, видимо, приезжал на побывку домой.

Прошло уже много лет с тех давних пор, целая жизнь позади, но сладкая тоска наполняет сердце, когда вспоминаешь эти безвозвратно ушедшие дни моего детства.

До пятого класса я рос хилым, болезненным ребёнком. Переболел почти всеми детскими болезнями, перебивал почти во всех детских городских и районных больницах. После окончания пятого класса мама раздобыла для меня путёвку в оздоровительный лагерь, который находился в лесу в Правдинском районе. Лагерь был организован на территории так называемой «Лесной школы». Здесь дети со слабым здоровьем учились и жили круглый год.

Место было просто замечательное. Посреди густого леса находился целый городок из небольших двухэтажных с мансардами домиков, расположенных в определённом порядке. Домики и строения были в типичном восточнопрусском стиле – из красного кирпича, покрытые красной черепицей. Здесь были и учебный корпус, и столовая, и спальные корпуса, дирекция, баня, гаражи и отдельные коттеджи, где жили учителя и обслуживающий персонал из местных жителей. Как я потом узнал, раньше здесь находилась разведшкола «АБВЕРА».

Лес был очень густой, загадочный. По лесу проходила вымощенная булыжником узкая дорога, которая доходила до самого посёлка Домново. В лесу под толстым слоем дёрна были упрятаны военные склады, сохранившиеся ещё с времён Первой мировой войны. Жить нам там было привольно и радостно.

В центре была небольшая площадка, где проводились линейки, по периметру её опоясывали вымощенные булыжником дорожки.

Мы бегали по лесу, играли в военные игры, на ходу обрывая малину, которой тут было видимо-невидимо. Наш тренер по физкультуре разыскал в лесу небольшой водоём у одного из разрушенных блиндажей-складов, скорее всего, это была огромная воронка, оставшаяся после войны. Вода была чистая, и мы, как лягушата, барахтались в этом лесном озере.

Вечерами мы уже играли в более серьёзные игры. Одна из них называлась «ручеек». Мальчики и девочки вставали парами, получалась такая своеобразная арка, а кто-то свободный шёл под этой аркой и выбирал свою пассию, чтобы встать со своей избранницей впереди колонны. Это было первое проявление нашей сексуальности. Мне нравилась одна девочка, её звали Галя Швиббе и жила она в Центральном районе в Калининграде. Насколько избирательна человеческая память, помнишь, что было 40 лет назад, даже детали, и забываешь совсем недавние события.

Я подружился с одним мальчишкой, он был старожил и хорошо всё знал в округе. Во время тихого часа, когда вся ребятня пряталась в прохладных спальнях корпусах от полуденного зноя, мы с ним потихоньку выбирались за пределы «Лесной школы», обходили кордон лесника, дабы не обнаружить себя, и шли в лес в заветное место, которое мне показал мой приятель. Там отрывали в земле хорошо сохранившиеся «эрликны». Это были боеприпасы для небольшой авиационной пушки. «Эрликны» были очень красивые: бронзовая гильза, сверху головка с различной маркировкой из цветных полос. Тут были и трассирующие, и зажигательные, и бронебойные головки. Мы отделяли

от гильзы верхнюю часть и добирались до пороха, которым была заполнена гильза. Гильзу ставили вертикально, подносили спичку к пороху и стремительно летели в соседнюю канаву. Рёв сгораемого пороха и последующий щелчок взрывающегося капсюля наполнял восторгом наши детские души. Эти вылазки во время тихого часа так и остались никем не замеченными. К концу моего пребывания в «Лесной школе» у меня уже образовался небольшой склад боеприпасов, которые я прятал в лесу.

В последнее посещение лагеря моими родителями я заверил их, что я уже не маленький, дорогу знаю и доберусь до дома самостоятельно. Остановка автобуса, следующего в Калининград, была недалеко от «Лесной школы». Перед отъездом я перенёс своё сокровище поближе к территории лагеря, а когда мне выдали мой чемодан с вещами, я, попрощавшись со всеми, ринулся к своему тайнику. Максимально загрузив «эрликонами» чемодан, я потащился на остановку автобуса. Как я донёс этот неподъёмный чемодан с моим арсеналом, я даже и не помню. Видимо, я действительно неплохо поправил здоровье и набрался сил во время отдыха в «Лесной школе». Благополучно добравшись до дома, я бросил свой чемодан в комнату и тут же побежал во двор к пацанам узнать новости, поделиться впечатлениями. Это была моя роковая ошибка. Пообщавшись с друзьями, я вернулся домой и подлетел к моему заветному чемоданчику. Когда я открыл его, моему изумлению не было предела, – он был абсолютно пуст. Одежда моя пошла в стирку, а мой арсенал куда-то исчез. Я обшарил все укромные уголки нашей квартиры, но никаких следов исчезнувших «эрликонов» не обнаружил. Мало того, пропал и мой ржавый «Вальтер», который мне дал на хранение Серёжка Моторин. Горю моему не было предела. Со слезами на глазах я выпрашивал у матери, куда она дела моё богатство. Мать упрямо повторяла одну фразу: «Всё выбросила на помойку». Я несколько раз перепотрошил наш дворовый мусорный ящик и, конечно же, ничего не нашёл. Видимо, мамочка хорошо всё перепрятала, а потом куда-то выбросила моё сокровище. Это была непоправимая утрата. Со временем боль потери поутихла, но коварный поступок мамочки я запомнил навсегда. Хотя могу представить выражение её лица, когда она открыла чемоданчик своего чада, вернувшегося из пионерского лагеря.

Мне уже было 13 лет, когда я в последний раз поехал отдыхать в свой любимый пионерский лагерь им. Гайдара. Лагерь принадлежал судостроительному заводу № 820, где работали мои родители. Место было замечательное: сосновый лес, рядом море – спуск на пляж был прямо с территории лагеря. Дети жили в деревянных корпусах, у каждого отряда был свой корпус. Рядом на улице умывальники, чуть поодаль туалеты простой конструкции. В центре лагеря была площадка с флагштоком, где проходили утренние и вечерние линейки всех отрядов. Недалеко от этого места был клуб с библиотекой и крытой площадкой для разных мероприятий. Я уже был в самом старшем отряде. Жизнь в лагере была привольная. Спортивные занятия, чтение книг, в хорошую погоду – пляж и море. Набегаешься на свежем воздухе, потом с аппетитом уплетаешь нехитрую еду, приготовленную нашими поварами. Вожатыми в младших отрядах были молодые девчонки. Одна из этих девчонок произвела на меня впечатление. Я стал ей оказывать знаки внимания, при встрече вели беседы, рассказывали друг другу об учёбе, увлечениях. И вот наступил волнительный момент, когда я пригласил её на свидание, первое в моей жизни. Договорились встретиться после отбоя, на скамеечке у спуска к морю. Я с волнением ждал назначенного часа. Когда все уgomонились в корпусе, я незаметно выскользнул из отряда и узкой тропинкой пробираюсь среди сосен к заветному месту. По дороге я сорвал несколько цветков с ближайшей клумбы, я ведь знал из книг, что на свидание с женщиной нужно приходить с цветами. Сел на скамейку и с нетерпением и волнением стал ждать встречи. Наконец девчонка пришла! Я преподнёс ей свой букетик, и мы стали вести беседу. Всё было романтично и невинно. Незаметно пролетело два часа, время было позднее и нужно было возвращаться по своим отрядам. Наше отсутствие никто не заметил.

Впереди была суббота. В этот день на площадке в клубе устраивали танцы для старших отрядов. Мой приятель, который здесь всё знал, предложил мне перед танцами выпить вина. Я поддался на его уговоры. Но нужно было где-то купить этот напиток. Мой опытный напарник знал один небольшой магазинчик на улице Балтийской, где были расположены пионерские лагеря. Дождавшись тихого часа, мы незаметно покинули нашу территорию и пошли в магазин. Не знаю, как продавщица продала нам бутылку портвейна: то ли мы выглядели достаточно взрослыми, то ли правила продажи тогда были проще. С этой бутылкой и парой пирожков с мясом мы вернулись в лагерь. Вечер танцев начинался. Мы с моим приятелем выпили по стакану портвейна в укромном местечке в лесу, закусили пирожками и смело выдвинулись на танцы в клуб. Здесь уже была моя дама сердца. Я постоянно приглашал её на

танец. Вино уже сделало своё дело, я был не в меру весел и возбуждён. Моё поведение не осталось незамеченным руководством лагеря. Вечер закончился, и мы разошлись по своим корпусам. Впереди было воскресенье, родительский день. В этот день в лагерь приехала моя любимая бабушка с пакетиком гостинцев для любимого внука. Её тут же вызвали к директору лагеря, чтобы известить о моём поступке, возмутительном для пионера. Мне грозило позорное выдворение из лагеря с клеймом «пьяный пионер». В этот день должна была проводиться эстафета – соревнование между лагерями Светлогорска на городском стадионе. Я был парень спортивный и, конечно, был участником нашей лагерной команды. Во время разговора директора с моей бабушкой в кабинет вошла наша физрук Маргарита Константиновна и стала просить директора оставить меня в команде, иначе наша победа оказалась бы под угрозой. «Ну а дальше поступайте, как хотите», – сказала она. Это был весомый довод, и я остался в команде.

Никогда я так не бегал, бежал как угорелый на своём этапе. Наша команда заняла первое место среди пионерских лагерей города Светлогорска. Я вернулся в лагерь, ожидая своей участи. Не знаю, что там говорила моя бабушка директору, слёзно просила за своего любимого внука, но, видимо, моя победа и уговоры возымели действие, и меня оставили в лагере. Моя лагерная жизнь плавно потекла дальше. Когда я встречал свою пассию, она тут же шарахалась в сторону от меня, видимо, получив хороший нагоняй от руководства. Встретились мы только на прощальном костре. Поговорили немного, обменялись адресами. Так закончился мой лагерный роман.

Я решил серьёзно заняться спортом. Мой сосед Вовка Ревякин из второй квартиры ездил в бассейн ДКБФ, который находился далеко от Балтрайона, в самом центре города у колхозного рынка. В очередной раз при поездке на тренировку он взял меня с собой. Приехали мы к красивому зданию, которое принадлежало тогда спортивному клубу Балтийского флота, а до войны здесь занимались спортом студенты кёнигсбергского университета, и здание называлось «Палестра Альбертина». Вовка представил меня тренеру, молодой женщине. И вот я уже в плавках выхожу в огромное помещение бассейна, запах хлорки щекочет нос. Тренер указала мне дорожку, по которой я должен был плавать, и начались мои тренировки. Я стал регулярно ездить в бассейн со своей улицы Большая Кольцевая до улицы Черняховского. Путь на трамвае «двойка» был бы достаточно долгим. Трамвай медленно тащился по улице Киевской до Южного вокзала, потом по Ленинскому проспекту, где на месте развалин стали расти первые «хрущёвки». Далее он проезжал по бывшему Зелёному мосту, потом по Лавочному, затем руины Кёнигсбергского замка, который все называли Королевским. Трамвай медленно поднимался в гору, справа возвышалась ещё крепкая западная стена замка с контрфорсами и башнями.

В этот момент кондуктор переходила в конец салона трамвая и становилась у большого колеса ручного тормоза. Подъём в гору был довольно крутой, нужно было быть начеку, чтобы трамвай не покатился назад. Наконец я добирался до площади Победы, весело выскакивал из трамвая и шёл пешком по улице Черняховского до здания бассейна. Тренировки в бассейне укрепили меня, я научился неплохо плавать разными стилями. Это очень помогло мне в моей жизни. Потом плавание надоело мне, да и дорога занимала много времени, и я решил заняться другим видом спорта. Попробовал ходить на тренировки по боксу в Дом офицеров, но этот вид спорта мне что-то не понравился, может, кто-то хорошо двинул мне по носу.

Настоящим увлечением для меня стал баскетбол. Тренировались мы в нашей школе, в собственном спортивном зале, под руководством нашего учителя физкультуры Николая Николаевича. Ник. Ник. был настоящим педагогом и настоящим спортсменом. Мы ему многим обязаны за то, что он сделал для нас, воспитал волю к победе, формировал характер. Баскетбол был на первом месте в нашей школе, и наша сборная часто занимала в городе первые места. Мы тогда бредили баскетболом, знали всех лучших баскетболистов мира, всех наших советских игроков из сборной. Пределом мечтаний тогда было приобрести китайские кеды, которые купить можно было только в Москве. Тренировки у нас были раза три в неделю. Мне этого было мало, и я стал ходить ещё в спортзал «Шторм», который находился в здании бывшей немецкой кирхи на улице Киевской. Два раза в неделю по два часа мы гоняли мяч по площадке, отрабатывали технику ведения и броска в корзину. Нередко я оставался ещё в зале на следующую тренировку по лёгкой атлетике, так как там тоже играли в баскетбол. Я так себя выматывал тогда, что без задних ног падал на кровать, когда добирался до дома. Сейчас в этом бывшем спортзале снова церковь, только православная. Как странно, там, где раньше слышался топот молодых ног и восторженные крики болельщиков, теперь тишина и покой. В этом зале звучат

только проповеди пастыря и тихие молитвы верующих. Иногда на меня накатывает ностальгия по тому времени, когда я был молод, полон сил и энергии. Я вспоминаю ту атмосферу зала, когда шла отчаянная схватка с противником, разгорячённые от бега тела, запах пота, восторженные или досадные крики зрителей, то состояние эйфории, когда мяч, посланный твоей рукой, точно попадал в корзину и девчонки восхищённо смотрели на тебя.

Как-то Серёжка Моторин пригласил меня на тренировку в секцию бадминтона, которая также действовала в нашей школе. Тогда это был довольно-таки экзотический вид спорта, и у нас в городе только начал развиваться. На первой же тренировке я сломал ракетку, но бадминтон мне понравился, я считал, что он мне пригодится для баскетбола. Здесь развивалась гибкость кисти, необходимая для броска мяча в корзину, а также реакция и подвижность тела. Позже я увлёкся этим видом спорта, ездил на тренировки в спортзал «Труд», который находился на улице Вагнера, недалеко от больницы водников. Там уже тренировались более опытные спортсмены. Помню, как меня за три гейма игры одна девчонка так загоняла, что я потом долго не мог отдышаться. В этом виде я добрался до 3-го взрослого разряда. Но основной моей страстью остался баскетбол.

Летом 1965 года родители получили от завода трёхкомнатную квартиру на улице Багратиона в пятиэтажной «хрущёвке» рядом со строящимся зданием «Рембыттехники». Это было новое место для меня. Тогда ещё улица Багратиона не была такой широкой. Она сохранила очертания бывшей Унтерхаберберг. Мне помнится одна интересная деталь: когда трамвай шёл по улице Багратиона к моему дому, чуть не доезжая его, он огибал старое немецкое здание из красного немецкого кирпича, сохранившееся после бомбёжек. Оно стояло теперь прямо посреди дороги, и в нём ещё жили люди. Потом его снесли, уж очень этот дом мешал движению. Рядом текла Преголя, куда мы потом с приятелями бегали купаться у разрушенных опор Высокого моста. Из окна нашей квартиры на четвёртом этаже была видна бывшая католическая церковь Святого Семейства. Она тогда использовалась в качестве какого-то склада. На новом месте у меня появились приятели, которые учились в местной школе № 12. С ними мы играли в баскетбол в спортзале школы или в футбол в районе «матросского парка», так назывался тогда парк Южный.

Я познакомился с девчонкой, которая жила в соседнем доме на улице Песочной. Звали её Зоя. Жила она на втором этаже, и окна её комнаты выходили в наш двор. Я часто залезал на огромную липу, которая росла напротив её окна, и вызывал её для наших вечерних разговоров. В очередной раз я залез на липу и уже приготовился вызывать свою подружку, как услышал голос снизу: «Что ты там делаешь?» – «Да вот сижу, девчонку жду». – «А можно я к тебе?» – «Ну, давай!» Так мы познакомились с Лёшкой Мариничевым, который жил в соседнем подъезде. И он стал моим другом на всю жизнь. У Лёшки был друг-одноклассник, который жил недалеко от нас на перекрёстке Ленинского проспекта и Багратиона, как раз над «Военной книгой», был такой магазин в этом доме. Звали его Юрка Носов. Вскоре мы стали большими друзьями. Ребята были старше меня на три года и уже окончили школу. А мне ещё предстояло учиться в 8-м классе, и я решил не менять свою любимую школу и ездил туда на улицу Киевскую на трамвае «двойка». Мы часто собирались вечером у Юрки в его маленькой комнатке. Юрка был натурой художественной, мечтал стать архитектором, много знал о художниках, всегда очень элегантно одевался, ходил в белой рубашке с галстуком, был чисто выбрит, ботинки всегда начищены. Он любил рассказывать о знаменитых художниках мира, употребляя какие-то незнакомые для нас термины. У Юрки всегда был растворимый кофе, большой дефицит в то время, и мы его готовили особым способом: в порошок добавляли несколько капель воды, сахар и долго взбивали ложкой эту смесь. А когда наливали в чашку кипятка, то появлялась густая пена на поверхности чашки. К Юрке часто приходил его приятель Сергей Кочетков. Он был очень модный парень. Он носил широкие брюки-клёш с пристроченной снизу молнией, «битловку», очень модную в то время. Сергей приносил катушки с магнитофонной лентой, на которых были записаны самые последние песни «Битлз» и «Роллинг Стоунз». В то время такие записи было очень трудно найти, но Сергей где-то доставал их. Наша компания не любила ходить на «танцульки», предпочитая собираться дома. Ближайшие танцы были в «Бочке» и «Клоповнике», «Бочка» – это Дом культуры бондарно-тарного завода, а «Клоповник» – танцзал в матросском парке. Мы предпочитали ходить в кафе «Театральное», расположенное на улице с таким же названием. Это кафе считалось очень престижным. Туда приходили студенты КТИ и университета. В кафе играл ансамбль с электрогитарами, который исполнял музыку «Битлз».

Я помню даже соло-гитариста – Сашку Синицина. «Битлз» были нашими кумирами. И эта музыка осталась со мной на всю жизнь.

Юркина мать работала в Управлении Западного речного пароходства и после окончания школы устроила его матросом на небольшой буксирчик. Буксирчик ходил по Преголе и таскал за собой баржи с разными грузами. Юрке нравилась эта работа на свежем воздухе. У него была настоящая тельняшка, и он очень гордился своей должностью. Его задачи были несложные: отдать концы на пирсе, при этом быстро заскочить на борт буксира, а потом, наоборот, при швартовке быстро соскочить на берег со швартовым концом и ловко закрепить его на кнехте. Также нужно было поддерживать порядок на борту, мыть палубу, что-то подкрасить, аккуратно укладывать швартовые концы. Когда Юрка немного набрался опыта, капитан давал ему возможность немного порулить на прямом участке реки. Юрка потом достал где-то форменную морскую фуражку с кокардой, и в этой фуражке и тельняшке выглядел настоящим морским волком. Днём буксир трудился, таская баржи по Преголе, а вечером становился на прикол у пирса на улице Эпроновской. Это то место, где сейчас находится ресторанчик ВО-ВО. Юрка оставался на буксире на ночь. Нужно было нести вахту. Я стал приходить к нему, благо это было рядом с моим домом. Мы болтали с Юркой о разном, он рассказывал мне о менинах Веласкеса, читал наизусть стихи Рембо, мне было с ним интересно, я узнавал от него о неведомых мне вещах. Мне очень хотелось услышать звук работающего двигателя буксира, и как-то предложил Юрке завести его. Он уже знал, как это делается, и поддался на мои уговоры. Включаем тумблер питания, нажимаем кнопку пуска – и в недрах буксира раздаётся размеренный рокот дизеля. Полный восторг в душе! На том наши эксперименты не закончились. Дальше – больше. Теперь при работающем двигателе перемещаем рычаг реверса в заднее положение, буксир плавно отходит от пирса, конечно, заранее был отдан швартовый конец. Отойдя на середину реки, переводим рычаг в переднее положение – и буксир, замедляя движение, останавливается и начинает двигаться вперёд. Так мы проделывали это несколько раз, пока при очередной швартовке не рассчитали скорость и довольно-таки сильно врезались в пирс. Хорошо, что на стенке пирса были закреплены огромные резиновые колёса, которые как демпфер смягчили удар. Мы отделались лёгким испугом, но после этого уже не проводили такие опасные эксперименты с собственностью речного флота. Юрка мог бы лишиться и тельняшки, и фуражки с кокардой.

На улице Багратиона была в то время одна примечательная особа. Звали её «Гавана». Она всегда была подшофе, шла по улице, слегка покачиваясь, напевая песню, которая начиналась словами: «Гавана – мой город родной...» Приближаясь к Юрке, она всегда замедляла свой шаг, осматривала его с ног до головы и томно произносила: «Печёрин ты мой».

В конце 8-го класса к нам на тренировку приехал известный в городе тренер из ДЮСШ № 4 Голковский, чтобы забрать кого-нибудь из нас в свою группу, если ему кто-то приглянется. Он посмотрел на нашу игру и выбрал троих: меня, Сашку Колесова и Жорку Калабухова, моего одноклассника и хорошего приятеля. Сашка учился в параллельном классе и тоже был моим другом. С тех пор мы стали членами ДЮСШ-4 и тренировались под руководством Голковского. Тренировки стали более серьёзными и напряжёнными и проходили в спортзале школы № 3, там зал был больше размерами.

Так закончился этот учебный год. Наступили летние каникулы. Тут Голковский на последней тренировке объявляет, что мы присоединяемся к сборной ДЮСШ-4 и почти на все каникулы едем в спортивный лагерь в Отрадное. Сашка, Жорка и я были безмерно счастливы, когда узнали эту новость.

Дни, проведённые в Отрадном, никогда не сотрутся в моей памяти.

Спортлагерь располагался на выезде из посёлка Отрадное, слева от дороги. Там было одно капитальное строение, где находилась столовая и клуб, два деревянных корпуса, где жили девчонки. Наша команда баскетболистов ночевала в армейских палатках, вмещавших человек по шесть-семь. В лагере нас было несколько команд из различных спортивных школ: были гимнасты – девчонки и парни, команды волейболистов, мы – баскетболисты и несколько человек-индивидуалов из других видов спорта.

Жизнь наша в спортлагере протекала очень динамично. Утром подъём, – и вся команда бегом вниз по оврагу к морю. Там на песке проводилась утренняя зарядка-разминка. После этого кто хотел, прыгал в ещё холодную балтийскую воду. Потом наверх, в лагерь – на завтрак. Немного свободного времени, и потом начиналась основная тренировка. Выстраивались колонной и совершали марш-

бросок из Отрадного до городского стадиона в Светлогорске, это составляло где-то километра три. На стадионе была баскетбольная площадка, где мы и тренировались два часа. После тренировки уже спокойно возвращались по песочку вдоль пляжа к нашему посёлку. А тут уже и обед. С аппетитом сметали всё со стола и шли на часок-другой в нашу палатку вздремнуть после обеда. После обеда было свободное время. Ходили на море, если была хорошая погода, или играли в какие-нибудь спортивные игры в лагере. Можно было понаблюдать за тренировкой девчонок-гимнасток. Их спортивные снаряды были тут же в лагере на площадке. Был даже батут, на котором я впервые увидел теперешнюю знаменитость Олега Газманова. Кстати, мы потом вместе учились в одной группе в КВИМУ. Среди девчонок-гимнасток была моя знакомая из нашей школы Лида Воевода, к которой я был весьма неравнодушен. Но она не проявляла ко мне особого интереса. Вечером после ужина в нашем клубе-столовой устраивались танцы под проигрыватель с пластинками с мощным усилителем ТУ-100, который использовался на железнодорожных вокзалах. Я поражаюсь сейчас, откуда силы брались после такого напряжённого спортивного дня ещё дрыгать ногами под популярную тогда мелодию «Я пушистый маленький котёнок...». Мало того, после танцев нас ещё было не загнать по своим палаткам, мы крутились под окнами спальных корпусов и заигрывали с девчонками.

Мой друг Вовка Гринберг учился на ихтиологическом факультете технического института. В конце лета 1967 года одна семейная пара – однокурсники Володи – попросили его на время их практики присмотреть за аквариумными рыбками в их комнате в общежитии института в Малом переулке. Прошло несколько дней, и Вовка получил заманчивое предложение поработать по своей специальности на Виштынецком озере. Он переложил заботу о рыбках на нашу компанию и отдал нам ключи от комнаты. Так у нас появилась штаб-квартира. У хозяев были кое-какие припасы: кофе, сгущённое молоко, сушки. Мы стали собираться в этой комнате, слушали музыку «Битлз», пили кофе, а иногда что-то и покрепче. На кухне общежития мы познакомились с двумя студентками третьего курса экономического факультета и пригласили их в свою компанию. Юрка представил нас студентами «Строгановского училища» из Москвы. Меня он определил на факультет технического дизайна. Он без тени смущения красноречиво и увлечённо рассказывал о прелестях столичной жизни, об учёбе в престижном заведении. У него уже был опыт работы после школы в институте «Калининградгражданпроект», который тогда находился в немецком здании на проспекте Мира. Мне оставалось только поддакивать и делать умное лицо. У студенток от волнения заблестели глаза, и они уже строили некие планы на будущее. Так у нас завязались тёплые отношения с девушками. Лето закончилось, и у меня начался новый учебный год. Однажды подружек назначили дежурными по общежитию, и они решили навестить меня, поскольку мой дом находился как раз напротив здания института. А свой адрес я опрометчиво сообщил им ещё раньше. И вот звонок в дверь, на пороге моя бабушка. Девушки спросили: «Можно увидеть Серёжу?» – «А он в школе», – простодушно ответила бабушка. Каково же было изумление моих приятельниц, когда они услышали такой ответ. Вечером я встретился со своей пассией. Она укоризненно смотрела на меня и, как назло, заметила чернильные пятна на моих руках. «Значит, ты столичный студент?» – ехидно произнесла она. Я мямлил что-то невнятное, и интерес у студентки ко мне угасал прямо на глазах. Так закончился мой летний роман.

Осенью мы провожали Лёшку и Юрку в армию. Сохранилась памятная фотография, когда мы стоим на перроне Южного вокзала дружной компанией вместе с родителями. Когда я смотрю на эту фотографию, грусть и ностальгия заполняют моё сердце. Уже давно нет на свете моих друзей. В моей душе навсегда остались тёплые воспоминания об этих беззаботных днях нашей юности.

Я успешно окончил школу, решил стать моряком и поступил в Калининградское высшее инженерное морское училище. Но это уже другая история...